

Изучение народной речи

Л.Я.Костючук

Язык — это память народа (о псковской народной речи и ее носителе)

Вышло удивительное издание: на основе уникальной народной псковской речи одного человека все студенты филологических факультетов российских вузов будут начинать изучение диалектологии и познание тайн народного языка, который через все перипетии жизни человеческой и государственной устоял и дал такие высокие образцы духовной культуры... Итак, это книга В.И. Трубинского, профессора С.-Петербургского университета, — *Русская диалектология: Говорит бабушка Марфа, а мы комментируем*.¹ Чем уникален и чем дорог этот труд?

В 1956 и 1959 гг. участники летних диалектологических экспедиций Ленинградского университета (два студента, а затем аспиранта) в д. Ремда, Гдовского района, Псковской области, познакомились с Марфой Петровной Сидоровой (1876-1959 гг.), подробно (от руки!; тогда не было возможности использовать в экспедиции записывающие технические средства) записали ее речь. Темы бесед касались разных сторон жизни. В 1956 г. Марфе Петровне было 80

лет, а в 1959 г. — 83 года. Неграмотная женщина, за всю свою долгую жизнь (не считая нескольких месяцев переселения в Отечественную войну) только два раза в последнем десятилетии XIX в. ненадолго выезжавшая за пределы родного села (на летние месяцы в Питер: *Два лета жыла [в Питере. — Л.К.], ня два года. Гот так кругом, а тут тока лета... Так вот я там, ф Питере, два лета была капоркай. Фсё в агороди капаисся, зато капоркай и звали...* (19)²; в этом тексте хорошо объясняется значение псковского слова *копорка*), явилась носителем местного говора, сформировавшегося еще в XIX в. Более двух третей жизни этого человека пали на XX век, принесший с собою и революцию, и войны, и много других событий. Но социальные, экономические, политические обстоятельства существенно не повлияли на сформировавшуюся речь Марфы Петровны, сохранившую в чистоте родную речь, усвоенную ею от своих родителей.

Судя по записям, одаренная от природы женщина, с живым умом в свои 80 лет, преподавала молодым собирателям, будущим лингвистам, не только урок умения пользоваться языком, объяснять городским юношам или непонятное из прошлого быта, или про-

Костючук Лариса Яковлевна — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Псковского педуниверситета им. С.М.Кирова

сто что-то непривычное в сельских условиях жизни, но и, самое главное, урок нравственной человеческой красоты.

Бывают в судьбах людей такие встречи, которые в каких-то отношениях оказываются определяющими: известный диалектолог В.И. Трубинский, доктор филологических наук, профессор, все эти десятилетия с благодарностью помнил о Марфе Петровне (бабушке Марфе), бережно хранил записи ее речи, долго поддерживал связь с молодыми родственниками Марфы Петровны, пока они не разъехались из села... И вот почти через 50 лет на всю Россию зазвучал голос Марфы Петровны Сидоровой (бабушки Марфы), благодаря оригинальному решению бывшего студента и аспиранта, а ныне профессора СПбГУ донести до студентов-филологов прелесть псковской народной речи.

Какие темы затрагивались бабушкой Марфой в долгих беседах с собирателями? Отобранный для публикации материал составил 42 печатных страницы, а сколько записей еще осталось в полевых тетрадях...

Говорили прежде всего о языке: сколько мудрых наблюдений обнаружила бабушка Марфа! Ее и удивляла, и в то же время восхищала возможность употреблять разновременные по степени активности и актуальности слова. В ответ на вопрос собирателей: “Бабушка, вот ты сказала **“ноньма”**, а раньше говорила **“нынец”**...” — бабушка Марфа отвечает: *А “ноньма” тожэ гаваря [бабушка в раздумье]... Ноньма... Сёвонни ноньма, а раньшы нынец... бытта и не заметна, а станеш разводить-та [“разводить” = размышлять, анализировать], так как-та дивна фкрук слоф сваих... Ноньма... гавариш ы не замяцаши...* (10).

Противопоставление “сейчас / раньше” оказывается актуальным не только для исследователей, но и для самого диалектоносителя. Пожилая Марфа Петровна не раз доказательно и с тонким проникновением в специфику лексико-семантической системы народной речи объясняет молодым собирателям разницу слов-синонимов. Будущие же ученые, а пока учащиеся в 50-е гг. старательно записывают: *Раньшы аццоф фсё батей звали. А теперь фсё папаиэй... Анная была жэньшына на работницам, так притёршы*

была к тилиденцыи [т.е. интеллигенции. — Л.К.]: приуцала детей ацца папаиэй звать. Фкрук ей смялись: такой папаиша, ф синих партках!.. Раньшэ саматканены-та пасиня — вот сини партки и е... (10-11).

Сам диалектоноситель показывает специфику не только разновременных для говора синонимов, подчас и объясняя причину их появления (*Раньшы гаварили старики: “ухафшы ф поле арать”. Нада, гаваря, там нивушук сйездить заарать. А с салдат приедут — тыи ужэ “пахать” гаварят. Тыи начыкафшы, навьерефшы, науцыфсы ат нацальсва. — 11*), но и одновременных для данных дней (*Шиэпу в груды кладу. Не весь нарот ровна [т.е. одинаково. — Л.К.] гавари кто в груду, кто ф куцу... — 11*).

Бабушка Марфа понимает неизбежность разных вариантов в названиях одной и той же реалии, одного понятия: *Во гаваря: той-та етаму парню не выдась... Той гавари “ня выдась”, другой гавари “не уступи” — на два коракаля (= варианта) гаваря... (11).*

И различает Марфа Петровна, в одном говоре (в одной деревне) или в разных говорах (в разных деревнях) звучат разные названия одного и того же: *Вот бальша ли ашырнась до Вдова [= до Гдова] — пиддясят вёрс, а фсё разна гаваря, хто как... (11); У нас в арбанавья [= амбары. — Л.К.] хлеп ссыпая, а в ыниших дирявнях — в клеть (11).* И справедлив вывод бабушки Марфы: *У фсякава свая нарецыя (11).*

Набор разных наименований (своеобразный синонимический ряд) возникает за счет развития разных названий и в говоре одной деревни, и в говорах соседних деревень (противопоставление “свое / чужое” в пределах условий сельской среды), а также с учетом общерусского наименования (в том числе и литературного). Диалектоноситель может знать разные названия, но сознательно активно не употребляет какие-то из них в повседневной речи, а только в беседе с собирателями объясняет их. Противопоставление “свое / чужое” настолько усиливается, что или доходит до отторжения “чужого” (*Рыбу ету у нас “плотка” заву, не “плотва”. Ейна фамилья не убавиш, не прибавиш... — 11; Гаваря: “нада из^жбу пахать”. “Падмятатъ” нихто не гавари ... — 11*); или позво-

ляет одному из синонимов приблизиться к общерусскому и “претендовать” на роль главного, объединяющего (доминанты): *Карова у них агуляфшы, у лясницыных* [у соседа-лесничего]. — А если овца или коза? Тоже говорят “огулявши”? [вопрос собирателей. — Л.К.] — *И афца и каза “агуляфшы”, фсё пасловица та жэ. А раньшэ гаварили: “мая карова апхадифшы”, а таперь “абгуляфшы” гаваря. А в другой диревни я спрахываю: стельна карова иль не? “Абегафшы” гавари. Стельна карова — эта катора агуляфшы...* (11). И снова мудрое заключение бабушки: *У фсякава свая нарецыя* (11).

Осознает бабушка Марфа и свое, “родное” цоканье (произношение звука [ц] вместо звука [ч]), даже осуждая тех, кто усвоил произношение [ч], что случалось обычно под влиянием “городского” произношения, в результате жизни в городе: *Фкрук анной дефки смялись. Што ни скажэ — фсё на “чы”. Ёна красивая така была, вёртка. И фсё на “чы”... Тыи начыкафшы, навьрефшы, науцыфшы ат нацальсва. Так навьрефшы гаварить дак... В армии можна быстра навьреть, начыкаться, ф казармах фсё на “чы”... (11).*

Из бесед о праздниках, играх узнаем о многих народных и религиозных традициях. Так, традиции гадания были разные, одна была связана с предсказанием свадьбы: *На новый гот сабаруца гадать. Тараканаф лоя. Вынясу таракана на сухрестак, ф каку сторону набяжы — туды и замуи выходи...* (15); *Цастоколинья ходя меря. Заприметя дакуда — и ходя меря. Если парна [= четное число], то замуи выходя, а ня парна, то нет...* (15).

Почитались религиозные праздники (*В Ыльинску пятницу да абеда не работали никто, яю пацытали. Петрофску так не пацытаю* — 15); приурочивали действия, связанные с сельскими работами, к соответствующим дням (*Кузьмы и Демьяну* [т.е. “ф той день!” — Л.К.] *навос вадили* [т.е. возили — Л.К.] — 14).

Самое главное в сельской жизни — это труд на земле и с тем, что родит земля в результате затраты человеческих сил. Поэтому так подробно говорит бабушка Марфа о выращивании и обработке льна: *Перва [= сначала] пасею лен, патом вЫтягаю, патом*

памОцу, патом расстЕлю, ниделю аль две ляжы, патом мну, патом трЕплю, патом цЭшу, патом пряду, патом тку, шйу и нося. Вот яму и канец? (44). Как кратко, но полно и ярко представлен весь цикл работ с такой трудоемкой сельскохозяйственной культурой, как лен! И в то же время звучит даже удивление, как много удавалось сделать, но как нелегко это давалось: *Павесьма — эта пьстка, скока в руки забрана... Таких дватцать пять зделаши* [т.е. обработаешь с помощью “трапила” — специальной дощечки для трепания льна. — Л.К.] — *и сидишь, как грех шаршавый, пахош на какош, а какош на каво хош* (45; эмоциональный образ сопровождается рифмованной присказкой).

Без выращивания зерновых не обходились в псковских деревнях. Поэтому специальные беседы касались жатвы и молотьбы выращенного. Жали вручную: *Сярпом жали. Серёп — это то, цым рош ы жыта жну. Бабы жну сярпам. Згарефшы таперь фси сярпы* (46; затронула бабушка Марфа и военные события). Рассказывает труженица о том, как устанавливают стог (*Сток в нескалька рядоф...* — 46); стоянки, или стойки (*А хош стаянка, хош стойка — эта анно. Стойки — эта снапы на паласы клали* — 46)...

Нелегким был и процесс молотьбы тоже вручную: *Как малотя? А доски паставленьи, как скамейки, пряма снапом* [из скошенной ржи, например. — Л.К.] *ы бью. Палка, каторай малотя, называю малатилкай, а большэ — привазай. Бьют снапы привазай жытнай...* (47),

Интересные наблюдения “в окно” сопровождалось неторопливыми пояснениями с великолепными народными словами: *Ай, гляш-ка, мальцьшика-та на дирявину скряпафшы* [“вскрепаться” = залезть, взобраться]. *Вон пакряпалса, фсё вышэ и вышэ...* (16); *Вон какую выш скрѣпафшы малец-та!.. Сматри — робѣнак-та сляти нази и затряхницца, сафсим затряхницца...* [“затряхнуться” = убиться насмерть] (17); с образными, индивидуальными народными выражениями: *Сама красива дефка в диревни, румяна, полна, как ыз яицца выкатифшы...* (17; сравнительный оборот на метафорической основе то ли в качестве одного из однородных сказуемых наряду со сказуемыми *красива, ру-*

мяна, полна, которые выражены краткими прилагательными; то ли в качестве пояснения степени к сказуемым-кратким прилагательным *румяна, полна*); *Во притсидатель, пагляши. Ён шыпка ходи. Ён ф кажани* [= в плаще] *што варона лятае, крылья распустифшы...* (17; внешний вид быстро шагающего человека в плаще сопоставляется с видом летящей вороны с широко распушенными крыльями).

Народные образы, звучащие в речи Марфы Петровны, даже если они не устойчивы, типичны, потому что объясняются благодаря установлению привычных и понятных ассоциаций между фактами, известными носителям говоров.

Рассказывала бабушка Марфа о себе, о женитьбе, о маленьком ребенке, о разных людях — об их характерах, поведении, в том числе и о пьяницах; о культурных деревенских традициях, в том числе и об этикете (например, о хорошей русской традиции здороваться и с незнакомыми людьми: *Фкрук нашва-та народа и дивяцца, што у вас, гаваря, фси здарофкаюцца...* — 30); о необходимости соблюдать моральные нормы в поведении мужчин и женщин, чтобы складывалась семья на всю жизнь в уважении друг к другу (*Раньшы падёш купацца, дык смотриши, не глядя ли мушыны. А таперь нарот стал бесстынный сваю фигуру ф тyani паказываць. Зато и крепкава замужья нету. Месяц – два пажыву, забраняцца, задяруцца и разоидуцца...* — 31); о постройках в деревне раньше и теперь (*Были только три горницы в деревни* [“горница” = жилой дом, имеющий печь с трубой; белая изба], *а то фсе цорныи избыбы были. Старики гаварили, што ф такой избыбы тилей...* — 32); о кушаньях и о времени приема пищи (*Яшница пикёцца на скаварады, а ф цаски с малаком — эта скаваротка. Кушанье так называюцца. Яцо с малаком смехана — скавароткай называюцца. Яна спёкшы, сверху кажурка...* — 33; *Прежы-та, я спаминаю, утрам была пириватка, патом абет, патом пАбедье. Кусок хлеба сйэл — вот ы пАбедье. Вецэрам — ужын...* — 34); о растениях, грибах, плодах (*Еван в нашэм угароди дет растё, дет калюций* [“дед колючий” = лопух], *ева сразу за изгародай. В угароди многа деду растё.* — 35); о приусадеб-

ном участке — саде и огороде (*Нынец нимнога была квету, а кагда многа, дык так ы забелефшы... Во летась* [в прошлом году] *яблани были как аблитыи кветам, ну как снега была налитефшы...* — 34); о живых существах в хозяйстве и в дикой природе (*Курица какоцэ!.. Друга курица сиди на гнизде на ейнам. Вот и какоцэ... Или курята разростились!.. гаваря: курица ростицца, ну вроде веселицца, не сердицца...* — 37; *Кошка скоро катЕница, крязьбины будут...* — 37; говорится с иронией о крещении котят после их рождения; *Урыбины шырагалки* [= жабры] *е. Яна дышыт шырагалкам. В глазах цорненьки глядельца* [т.е. зрачки. — Л.К.] — 39; *Заяц мяняе, кажыцца, шкуру...* *На добрай пишы, так линия, а как худая, так ы праноси свой век...* — 42; дается сочувственное объяснение цвету шерсти у зайцев в зависимости от условий жизни); о природе и о приметах (*Вряки е глыпкии мяста, виры называюцца.* — 38; *Нос чешыцца* [редкий случай отсутствия у бабушки Марфы цоканья: произносится звук [ч]. — Л.К.] — *к пакойнику, умрёт хтонибуць в роды, нихарошыи предмет* [т.е. примета. — Л.К.]... — 48; *Прежы старики атнахали* [т.е. объясняли, соотнося явления в результате неоднократных наблюдений. — Л.К.]: *эта к таму-та, эта к таму. Как память вроде. Как хош можна атнахатъ. Ты таперь и старики памёршы, каторы атнахали-та...* — 49).

О тяготах жизни в военные годы, о том, как были вырваны люди из привычной жизни и как вынуждены были переселяться, тоже рассказывает бабушка Марфа: *В вайну-та ой трунна была людям... Мох сушыли да ели. Старики гаварили, што аны с ызвёскай муку мяхали да ели. А в нас мох талкли и ели...* (27); *В эту вайну ны были атступифшы, ф Палнафском районе жыли...* (27); *И самы были атступифшы; дык тожэ на зЕни спали. Бежэнам, брат, пацот маленький...* (27); *Ны были выселены, большэ месеца жыли в Вешках...* (28).⁴

И много других тем из трудовой жизни сельского человека (работа, радости и трудности семейной жизни, верования...) успели обсудить собиратели с бабушкой Марфой.

Благодаря сохранным В.И. Трубинским записям речи Марфы Петровны все, кто

прочитает необычное пособие по диалектологии, составит свое впечатление о человеке, достойно прожившем на свете свыше 80 лет и спокойно, с достоинством готовящемся уйти в вечность (*Ны здесь в гостях, скоро дамой...* (51) — это спокойное, философски мудрое заключение самой Марфы Петровны в конце жизни).

Народные пословицы, образные выражения помогали рассказчице передать ту или иную мысль, установив свою связь с традициями родителей, предков: *Укажьнай матки сваи детки* (49; в жизни надо принимать разное; индивидуальное тоже достойно существовать); *Какой хвос, такой и паганяй* (49; получаешь в жизни соответствующее тому, что отдаешь); *Какой с кацэльки, такой и в ямку* (50; сызмалу закладываются нравственные качества человека); *Камень гарит, да и тот тресне* (50; есть предел прочности и в человеческой жизни). В таких пословицах слушателям и читателям открываются необычные, яркие образы, тем сильнее впечатление от народного афоризма. Но и обновленные в псковской речи общерусские пословицы тоже приобретают свежесть: *Маладец проти авец, а проти кароф, так ы не здароф* (49; конкретизация образа при сопоставлении названий хорошо известных крестьянину домашних животных).

Светлая память о Марфе Петровне Сидоровой прежде всего сохранилась у ее по-

томков, которые и через десятилетия жизни не в сельских условиях, вдали от родных мест, с детства впитали дорогую речь бабушки и, волей судьбы вернувшись к истокам семейных традиций, постарались и своим детям и внукам передать уважение прежде всего к народному языку. Примером этому оказалась несколько недель назад неожиданная, но дорогая встреча-знакомство с внучкой М.П. Сидоровой — Галиной Ивановной Ивановой, которая почти полвека помнила, как приезжали из Ленинграда молодые люди записывать речь ее бабушки (Галине Ивановне тогда было лет 10), и с правнуком бабушки Марфы — Денисом Викторовичем Ивановым. Они разыскивали публикацию записей бесед с Марфой Петровной (когда-то молодые исследователи говорили о том, что речь бабушки Марфы послужит науке; и полужила!). Какое счастье, что можно было показать им том учебного пособия по диалектологии и сказать, как обрадуется автор публикации тому, что те, кого он (и с нашей помощью) как потомков Марфы Петровны безуспешно разыскивал, нашлись...

Так и сохранится речь народа. Галина Ивановна (она сама хорошо знает и помнит родной говор!) своим детям уже передала знание речи их бабушки и заразила любовью и интересом к бесценному и прекрасному народному богатству — языку.

Примечания

1. Трубинский В.И. Русская диалектология: Говорит бабушка Марфа, а мы комментируем. СПб.-М., 2004.
2. Цитаты из речи М.П. Сидоровой приводятся с указанием страниц по работе В.И. Трубинского.
3. При необходимости указать в слове ударение используется большая гласная буква.
4. См. нашу статью: *Костючук Л.Я.* Война и судьба русской народной речи (состояние и изучение говоров) // Лингвистика в годы войны: люди, судьбы, свершения. Материалы всероссийской конференции, посвященной 60-летию победы в Великой Отечественной войне / Отв. ред. Н.Н. Казанский. СПб.: Наука, 2005. С. 311-328.